

Вырезка из газеты

11 СЕН. 39

ПРАВДА

Москва

Газета №

ТРИ СПЕКТАКЛЯ

НА ФЕСТИВАЛЕ
КОЛХОЗНЫХ ТЕАТРОВ

В своих высказываниях о литературе А. М. Горький отвергал всякие попытки свести к отвлеченным идеям содержание своих произведений, — это, мол, пьеса о хищнических инстинктах купечества, а это — о моральном вырождении интеллигента. Именно потому, что Горький дорожил плетеным направлением своего творчества, он боролся с таким упрощенным пониманием тенденциозности в искусстве. Поэзия и правда у Горького — понятия нерасторжимые.

Три спектакля, которые мы видели в Москве, на фестивале колхозных театров, показывают нам, как идет борьба за правильное понимание Горького.

«На дне» сыграли два театра — 4-й горьковский и камышинский (Сталинградская область). Сравнивая эти постановки, убеждаешься, что только правильное понимание единства «поэзии и правды» Горького может привести к художественному успеху. Спектакль «На дне» в горьковском театре не претендует на новое истолкование пьесы. Театр словно не скрывает, что он учился у МХАТ, но учился не для того лишь, чтобы тщательно скопировать замечательный оригинал. От МХАТ у театра сознательное отношение к пьесе, к каждой ее реплике.

Молодые актеры знают силу горьковского слова. Сатин (актер Е. Островский) произносит свои «нечеловеческие слова» так, что начинаешь понимать тоску этого гордого обитателя ночлежки, уверенного в том, что «человек рождается для лучшего».

«Ниточки-то гнилые», — говорит равнодушный Бубнов (актер Б. Малышев),

который не верит ни правде, ни лжи, и тон его делает невозможными никакие иллюзии.

Лука (актер М. Кузнецов) знаменитый монолог о «праведной земле» читает так, что сразу становится ясной его философия утешительства и примирения. Лука в этом спектакле искренне верит в «возвышающий обман», в то, что иллюзия выше правды. Он не похож на жуликоватого пройдоху, торгующего состраданиям, каким стали изображать Луку многие театры. Проповедь его реакционна, она принесит только минутное облегчение и не может изменить условий существования. Утешительная ложь Луки вредоносна, но сам-то он убежден, что поступает правильно, на благо людям. Именно так всегда играл Луку в МХАТ И. М. Москвин.

От МХАТ у актеров и способность передать настроение и заставить зрителя поверить в непререкаемую жизненность происходящего на сцене. Эта настоящая жизненность не чужда поэзии, притом не босяцкой романтики, а поэзии борьбы человека за лучшее будущее. Молодые актеры Г. Иванов, Н. Куличенко, И. Шароградский, А. Брусин, Ю. Жилина и др. хорошо почувствовали жестокою «правду и поэзию» горьковской пьесы.

Именно поэзии не хватает другому спектаклю «На дне», который мы видели в камышинском колхозном театре. Молодые и способные актеры довольно оживленно разыгрывают драматическое происшествие в ночлежном доме. При этом они больше всего стараются быть внешне похожими на настоящих людей «дна». Конечно, ночлежка

Костылева мало напоминает уютный особняк, но нужно ли так старательно мусорить на сцене. Живописность берет здесь верх над содержанием пьесы. Инсценируются этнографические картинки, и время от времени раздаются патетические монологи, содержание которых недостаточно ясно актерам. Известные слова Сатина «все в человеке, все для человека» или «когда труд — удовольствие, жизнь — хороша!» прозвучат как лозунги, неожиданно вписанные в текст. Это не сатинское убеждение, а урок морали.

Очевидно, с той же морализующей целью театр без достаточных оснований осовременил Клеца. Этот, еще сохранивший привычку и уважение к труду ночлежник отличается от остальных персонажей пьесы. Но дает ли это право играть его как сознательного, передового пролетария?

Очень жаль, что усилия молодых актеров не оправдались, и произошло это потому, что авторы этого спектакля не увидели в горьковской пьесе ее поэзию, искали в ней только жанровые картины. Здесь слишком много бытовщины и нарочитой правдоподобности.

В третьем горьковском спектакле, который мы видели на фестивале, — «Егор Булычев и другие» (пугачевский театр Саратовской области) слишком мало истории. Это, пожалуй, самый незаурядный спектакль фестиваля. Его привлекательность прежде всего в попытке по-своему разобраться в характере Булычева. Думая о классическом Булычеве, всегда представляешь себе Б. В. Щукина в этой роли. Актер Малюгин непохож на Щукина. У него нет ни пушкинской мудрости, ни того богатства мысли, которое появляется у Булычева — Щукина, когда он начинает размышлять о прожитом. Булычев в пугачев-

ском театре вообще очень мало размышляет. Он — сильный, шумливый, жадный к жизни человек. Озорной, веселый, он любит шутку — и его громкий смех не смолкает на протяжении первых двух актов. Есть что-то забавное в его внешности — в его подвижном лице, обросшем рыжими волосами, в его медвежьей походке. Он наблюдает людей, едва их высмеивает, полагая, не верит в возможность существования иной жизни. Он так крепко стоит на ногах, что нельзя поверить в то, что его может скосить болезнь, катастрофа. И потому, что эта катастрофа кажется неизбежной, она производит большое впечатление. По глубине философского понимания пьесы такая трактовка, конечно, гораздо слабее, чем у вахтанговцев, но есть в ней очень человеческая любовь к жизни.

Подставка такому Булычеву и Шура (актриса Кочеткова), чье озорство — только форма самозащиты от пошлости и убожества среды. Среда же эта, эти «другие» не живут на сцене самостоятельной жизнью. Люди, окружающие Булычева, у Горького не просто статисты. Они — характеры самобытные и своеобразные. «Егор Булычев и другие» — пьеса, в которой очень силен дух времени. И вот этого-то чувства времени, ощущения историчности событий не передает спектакль пугачевского театра.

Станиславский в беседе с учениками своей студии несколько лет назад говорил, что у некоторых деятелей театра установилось неправильное отношение к пьесам Горького. Их играют либо слишком тенденциозно, либо видят в них только поэтическую сторону, пренебрегая их социальными идеями. Эти слова Станиславского не потеряли своей злободневности.

А. МАЦКИН.